

Гулаева Эсет Дибировна

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Основные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в соучастии

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в соучастии. Исследуется совокупность общественных отношений, связанных с привлечением лица к уголовной ответственности за совершение преступления в соучастии.

Ключевые слова: формы соучастия в преступлении, сущность соучастия, института неосторожного сопричинения, умышленное совместное участие.

Основные направления совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в соучастии, по своему содержанию связаны, во-первых, с дифференциацией уголовной ответственности соучастников на уровне конкретных норм Особенной части УК РФ, во-вторых, закреплением в Уголовном кодексе правил назначения наказания лицам, действовавшим в составе организованных групп, в-третьих, разработкой понятийного аппарата уголовного закона в изучаемой нами сфере и выработкой предложений, адресованных законодателю и ориентированных на повышение эффективности норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса, связанных с оценкой сложных форм соучастия. Рассмотрим возможности оптимизации норм Уголовного кодекса РФ, связанные с

дифференциацией уголовной ответственности соучастников на уровне конкретных норм Особенной части УК РФ.

Согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Существенный вклад в исследование проблем соучастия внесли С.В. Бородин, Ф.Г. Бурчак, В.М. Быков, Б.В. Волженкин, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Гаухман, В.А. Григорьев, П.Г. Гришаев, А.И. Гуров, Н.Д. Дурманов, А.Э. Жалинский, И.Э. Звечаровский.

При квалификации сложных форм соучастия, связанных с разграничением их от форм более простых (соучастие без предварительного сговора), существует серьезная проблема, вызванная законодательной недоработкой при конструировании целого ряда норм Особенной части УК РФ. При весьма подробном разграничении простого и сложного соучастия в нормах Общей части УК РФ законодатель при конструировании некоторых норм части Особенной не проводит соответствующей градации менее общественно опасных форм соучастия и их более общественно опасных форм. Речь идет о тех нормах Особенной части, где в качестве квалифицирующих признаков представлены как простые, так и сложные формы соучастия. В ряде судебных решений нет возможности дифференцировать ответственность соучастников преступления в зависимости от того совершено ли преступление группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [8, 9, 10].

Уголовно-правовые конструкции, дифференцирующие формы соучастия, но не предполагающие на этом основании безусловного усиления уголовной репрессии, поскольку «замыкают» их в рамках одного и того же квалифицирующего признака, представлены в ряде норм Особенной части УК РФ. Они содержатся в п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»), п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ

(«Истязание»), п. «б» ч. 2 ст. 131 («Изнасилование»), п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ («Насильственные действия сексуального характера»).

В то же время законодатель демонстрирует и иные образцы конструирования норм Особенной части УК РФ, в которых форма соучастия прямо влияет на квалификацию содеянного. Так, в рамках ст. 126 «Похищение человека», ст. 127 «Незаконное лишение свободы» совершение преступления группой лиц по предварительному сговору оценивается как квалифицированный вид в (ч. 2), а организованной группой – как особо квалифицированный (ч. 3). Форма соучастия обоснованно дифференцирует ответственность и при совершении кражи: группа лиц по предварительному сговору – п. «а» ч. 2 ст. 158, а совершение кражи организованной группой – п. «а» ч. 4 ст. 158. Аналогичный алгоритм законодательного решения присутствует и в ст. ст. 159, 160, 161, 162, 163, 166 УК РФ и т. д. Последний подход представляется правильным, поскольку он позволяет, во-первых, дифференцировать простые и сложные формы соучастия (а сложные формы между собой) в рамках уголовного закона, а во-вторых, автоматически снимает часть проблем квалификации при оценке конкретных преступлений, совершенных в соучастии, производимой органами предварительного следствия, дознания, прокуратуры и суда.

Включение же простых и сложных форм соучастия в рамки одного и того же квалифицирующего признака представляется не просто криминологически необоснованным, это решение выглядит принципиальной законодательной ошибкой. При решении прикладного вопроса законодательной регламентации квалифицирующего признака, связанного с формой соучастия, тем более сложной его формой, нужно ориентироваться на общие основы дифференциации ответственности и наказания, принятые в уголовном законодательстве и разработанные наукой уголовного права [8, с. 12].

В этом плане можно согласиться с Т.А. Лесниевски-Костаревой, определяющей квалифицирующие признаки как указанные в законе характерные для части преступлений соответствующего вида существенные

обстоятельства, отражающие типовую, значительно измененную в сравнении с основным составом преступления степень общественной опасности содеянного и личности виновного и влияющие на законодательную оценку (квалификацию) содеянного и меру ответственности [5, с. 162–163].

Правовые последствия закрепления в законе квалифицирующих признаков выражаются в установлении новых границ типового наказания, новых рамок санкции, отличающейся от санкции за преступление с основным составом. Данная функция – дифференцировать, градуировать ответственность – обусловлена основным качеством квалифицирующих признаков: отражать значительное изменение типовой степени общественной опасности содеянного.

Не вызывает сомнения, что функциональность градуирования форм соучастия на простые и сложные, а также сложные внутри этой группы связана с установлением степени общественной опасности той или иной формы соучастия. Логика законодательной техники диктует и следующий шаг – связать степень общественной опасности той или иной формы соучастия с дифференциацией уголовной ответственности. А это возможно лишь в рамках расширения пределов санкции за преступление, совершенное при тех или иных квалифицирующих обстоятельствах, отражающих степень общественной опасности содеянного. Традиционно в российском уголовном законодательстве (за небольшими исключениями) расширение пределов санкции, то есть усиление уголовной репрессии при отягчающих ответственность обстоятельствах, технико-юридически осуществляется за счет внесения соответствующих квалифицирующих признаков в части одной и той же статьи Особенной части УК РФ. Такой прием законодательной техники апробирован, устоялся и считается методологически обоснованным. Соответственно, представляется непоследовательной и содержащей логическую ошибку позиция законодателя, относящего совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору и организованной группой в ряде случаев к различным частям статьи Особенной части УК РФ, а в

других – к одной и той же части статьи (например, в нормах, указанных нами выше).

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 2014.
2. Балеев С.А. Ответственность за организационную преступную деятельность по действующему российскому уголовному законодательству. Казань: КЮИ МВД России, 2002.
3. Беляев В.Т., Свидлов Н.М. Вопросы квалификации убийств. Волгоград, 2004.
4. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 2007.
5. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2008.
6. Литовченко О. Н. Соучастие в организованных группах и преступных сообществах (преступных организациях). М., 2010.
7. Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 2009.
8. Определение Верховного суда Российской Федерации от 11.12.2007 по делу № 89-Д07-32 «Определение суда надзорной инстанции» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2008. № 3.
9. Определение Верховного суда Российской Федерации от 22.11.2007 № 2-о07-23сп // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2008. № 3.
10. Определение Верховного суда Российской Федерации от 24.09.2007 № 88-007-28 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2007. № 12.